

КРИСТИНА ГЕПТИНГ

СЕСТРЕНКА

ОТ АВТОРА РОМАНА
«ПЛЮС ЖИЗНЬ»,
ЛАУРЕАТА ПРЕМИИ **«ЛИЦЕЙ»**.

Права женщин, домашнее насилие, движение #metoo, искаженное восприятие собственного тела и булимия, детские травмы и триггеры — все это находит место в романе «Сестренка».

Ольга Брейнингер,
ПИСАТЕЛЬ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ АНТРОПОЛОГ

Кристина Гептинг

Сестренка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43678107

Сестренка:

ISBN 978-5-04-105007-8

Аннотация

Десять лет назад жизнь Юли трагическим образом изменилась. Детство закончилось, наступили годы вранья и самоистязаний. «Сама виновата, с хорошими девочками не происходит плохих вещей, ты все придумала!» Но в этом году, собравшись вместе с родными за общим столом, Юля нашла в себе силы признаться, какой кошмар пережила дома у бабушки. Вот только поверят ли ее словам?

"Я написала "Сестренку", чтобы обнять всех, кто молчит. Всех таких "хороших" или таких "плохих" девочек, внутри которых слова. Слова, которые, возможно, они никогда не произнесут. "Сестренка" – страшный текст? Нет, ведь жизнь гораздо страшнее. Поэтому так важно знать, что ты не одна. Не одна в мире, который столь несправедлив. Ты можешь преодолеть обстоятельства, ощутить собственную ценность, обрести понимание и надежду. У тебя обязательно все получится, я верю."

Кристина Гептинг

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Кристина Гептинг

Сестренка

© Гептинг К., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

Воздуха нет – я будто вжата лицом в подушку: врезаюсь то в одно, то в другое липкое тело. Шепчу «извините». А потом опять спотыкаюсь, и мой лоб бьется о чью-то спину.

Наконец я чуть ближе к цели. По крайней мере, уже видна тяжелая дверь – ее подпирает всем корпусом мощная охранница. Еще две женщины в черном настроены почти воинственно. Исподлобья оглядывают толпу, расставив ноги по ширине плеч, готовые, кажется, если что, превратить нас в фарш.

Ловлю себя на мысли, что мы на самом деле, должно быть, и есть фарш – однородная, липкая, неприятная масса. Как хочется уже отделиться, перестать быть частью очереди. Обрести собственные, неповторимые черты.

Вдруг кто-то падает в толпе, и по принципу домино валятся стоящие сзади. По очереди прокатывается нарастающий рокот. Наконец он выражается в чем-то гулком крике:

– Да пропустите вы уже болящую, в конце концов!..

И тут одна из охранниц срывается:

– Черт бы вас побрал! Сколько можно! Сил нет уже никаких с вами!..

Чувствую, как в толпе то тут, то там начинают взрываться гнойники негодования:

– Как можно так ругаться!.. Это же монастырь!

– Что же это такое?! А если батюшка услышит?..

– Просто неслыханно!

Впрочем, недовольные говорят почти шепотом. Те, кто здесь, как и я, не в первый раз, знают – лучше молчать, ибо велик риск вовсе не дойти до цели.

Я вижу кусочек лица сестры, о которой все так роптали. Серый, усталый, как сказала бы моя бабушка, прихорканный. Мне становится жалко и ее, и всех, и себя...

Попасть сегодня к отцу Науму мне просто необходимо. Я не прихватила с собой «подарок», как некоторые из ожидающих, и не могу расчистить себе путь локтями, но зайти за непроницаемую дубовую дверь обязана. И я верю, что Бог мне поможет.

...Усталость наполнила ноги свинцом, но, несмотря на это, я покидала Лавру абсолютно счастливой, легкой, юной. События сегодняшнего дня можно было сравнить с известием о поступлении в вуз – начиналась новая жизнь.

Старец Наум благословил меня уйти в монастырь.

* * *

Новый год я никогда не любила, а уж с тех пор, как пришла в церковь, и вовсе возненавидела. Резать в пост говяжий язык для оливье – то еще удовольствие, но избежать этого нельзя, как и запекания форели с розовой солью под лимоном, художественного выкладывания икры в тарталетки

и тщательного потрошения граната для салата «Гранатовый браслет».

Муж ничто так не ценил, как изобилие еды в праздники.

Я каждый год пекла торт, рисуя кондитерским мешком часы, показывающие двенадцать. Дети всегда сильнее всего ждали новогоднего торта. В девяносто восьмом этот торт я приготовила на воде и одном яйце. Но они все равно были рады.

Это в детстве, а потом они словно бы впитали те невроз и агрессию, что держали нас с Костей вместе. И постепенно Новый год стали портить не только наши с мужем скандалы, неизбежные, когда он выпьет, но и их драки, ссоры и слезы.

Слезы – конечно, Юлькины. Юрка, если обижался (он называл это «Она меня довела!»), хлопал дверью и запирался один в комнате. Однажды он так и встретил праздник – в крошечной тьме десятиметровой детской. Я барабанила, барабанила в дверь – не открыл. Только музыку громче сделал.

В последний Новый год я этого, конечно, не вспомнила. И наши с Костей скандалы давно остались в прошлом. Воцерковившись, с чем я действительно смирилась, так это с тем, что муж меня никогда не примет. А значит, я просто помолчу, уткнувшись в книгу или вышивку.

В общем, я ожидала спокойного праздника. Вернее, его подобия: ну, какой же из светского праздника – праздник?..

– Очень вкусно, тетя Неля, – сказала Иришка, Юрина жена, обезглавив холмик оливье.

– Я же просила не называть меня так.

Она захлопала своими коровьими ресницами.

– Ну, тетя Неля, вы меня извините, вы почти пятьдесят лет были тетей Нелей, а сейчас, видите ли, стали Натальей, ну е-мое, это идиотизм какой-то! – возмутилась Иришка.

– Перестань, – резковато оборвал ее Юра. – Не лезь не в свое дело.

– Я уже ничему с этими православными не удивляюсь! Как начала в храм ходить, так и имя другое, и не жрет ничего! – пьяно выпалил Костя. – Ну ладно, каждый дробит, как он хочет, как говорится.

Я в ответ молчу – за годы брака убедила себя, что это лучшая реакция. Молчу и поймав очередной свирепый взгляд свекрови. Никогда ведь Анна Ивановна не приезжала к нам на зимние праздники, но тут внезапно решила, что в наступающем году непременно умрет, а значит, должна встретить его с родными.

Пауза повисает и над остальными собравшимися за столом.

«Такие красивые», – думаю я, глядя на своих детей.

Юра – широкие плечи, волевой подбородок, прическа волосок к волоску. Такой чопорный, аккуратный, собранный – вот в нем с ходу распознаешь военного. Не то что отец: даром что майор, а колени у брюк вечно пузыряются, щетина трехдневная...

Юля – такая, какой я не смогла стать: то ли смелости не

хватило, то ли таланта. Она – тренер в фитнес-клубе. В свое время похудела на двадцать два килограмма. Это моя вина, что в подростковом возрасте я ее запустила, и она постепенно располнела до восьмидесяти килограммов. За несколько лет она преобразилась. Сама себя сделала.

Иришка – что Иришка? Выбор сына. Маленькая, тощенькая. Милovidная, но из тех, что не запоминаются, сколько ни смотри. Первое время после знакомства я чуть ли не каждую вторую в автобусе или магазине за Иришку принимала.

Но есть то, что меня в ней восхищает. Я никогда не видела, чтобы матери были настолько настроены на своего ребенка, поистине влюблены в него, но любовью зрячей и, можно даже сказать, осмысленной, хотя я уверена, что не было тут никакой мысли, было лишь доброе сердце.

Анечка тоже не спала этой ночью. Она сняла с лысой головки черный гипюровый бант и с увлечением жевала его под всеобщее умиление.

* * *

– Я хочу сказать тост! – произнесла вдруг Юля.

Мы с мужем и сыном невольно напряглись – никогда у нас в семье не говорили тостов, не поздравляли друг друга, а подарки дарили молча и неуклюже. Застольные разговоры – все больше перепалки или в лучшем случае вялые перешептывания о малозначащих дальних родственниках, а тут

– тост.

А Иришка чуть ли в ладоши не захлопала:

– О, Юлька, тост, тост, давай! Это круто!

Юля встала, поправила платье и прическу.

– Я так счастлива сегодня быть здесь. Я так люблю возвращаться сюда, в родительский дом.

Костя хлопнул меня по плечу:

– Какую все-таки мы хорошую девочку воспитали! Благодарную! Не то что...

И – взгляд на Юру: они с отцом не могли поделить купленную в кредит машину.

– Я люблю возвращаться сюда, чтобы понять в очередной раз: как хорошо, что я здесь больше не живу, – продолжала Юля. – Что я не исполняю функции твоей, папа, дочери, твоей, Юра, сестры, твоей, бабушка, внучки. Мама, я люблю тебя, но я так рада, что не надо видеть тебя ежедневно. Да, я очень рада, что у нас с вами нет семейных чатиков в WhatsApp, что мы не постим в соцсетях общие фотки, что мы вообще вместе не фотографируемся. Я очень рада, что у меня, по сути, нет семьи. Потому что, когда она была, мне все время хотелось сдохнуть. И дело, папа, не в твоём пьянстве: у многих моих подружек отцы – алкоголики похлеще тебя. И не в твоём, мама, безволии: ты вечно казалась слишком уставшей, чтобы по-настоящему быть с нами, хоть и не работала. Ты была погружена в жизнь отца и собственные горести... Ну как, Юра, ты уже наложил в штаны? Знаешь,

что я скажу следом?

– Я не понимаю, ты пьяная, что ли?! – заорал Юра.

Мы все молчали. Я подумала: хорошо, сейчас Юля вспомнит очередную детскую обиду. Недавно она начала общаться с каким-то психологом, и с тех пор у нее всегда есть в чем упрекнуть отца, брата и меня.

Заплакала Анечка, Иришка сунула ей грудь.

Юля напомнила мне каменную статую.

– Нет, я трезва. Именно сегодня трезва. А несколько лет действительно прошли будто в пьяном забытии. После того как ты, Юра, меня изнасиловал. Мне было тринадцать лет. Летом, у бабушки. Да-да, бабушка, в той пристройке, в которой у Юры появилась наконец своя комната, о которой он так мечтал... Что ты головой мотаешь, ба?.. Не веришь? Ты же помнишь простынь в крови? Помнишь?

– Какую простынь? – зашамкала вставными челюстями Анна Ивановна. – Я вообще не понимаю, что ты говоришь-то такое?..

– Ты трясла передо мной кровавой простынкой, которую я плохо застирала! И мне пришлось сказать, что это месячные... Не помнишь, нет?

– Помню, – тихо и как-то мрачно согласилась свекровь.

И она так это сказала, что я поняла: Юля говорит правду.

Я подошла к дочери и, взяв за плечи, попыталась увести из-за стола, но она почти что ударила меня, но не сдвинулась с места. Осталась той же статуей. Я же осознала вдруг, что

совершаю тысячу мелких движений. Мыслей в голове не было ни одной.

– Почему же ты молчала? Столько лет, и молчать? – спросил Костя, закулив в форточку.

– Потому что это все чушь, это все неправда, она врет! Да она больная вообще! – снова заорал Юра, до смерти перепугав дочку и жену. – Собирайся, Ириш! Ни минуты я не проведу за одним столом с этой тварью. Все детство, всю юность мне отравила своими выкидонами, и теперь вот это...

– Юрочка, скажи, что это неправда, скажи, что это неправда, – шептала Иришка, бездумно натягивая на непослушное Анечкино тело розовые зимние одежды.

Дверь захлопнулась. Костя продолжал курить в форточку. Свекровь смотрела на идеальных счастливых людей из «Голубого огонька» невидящими глазами. Юля выпила бокал коньяка с колой и ушла не прощаясь.

Я стала убирать со стола.

* * *

Рас-пре-де-ле-ние. Обычное слово: родители познакомились на этом самом распределении и родили меня в свежестроенном городке, чихающем асбестовой пылью.

А я всегда хотела жить в Ленинграде. Никогда там не бывала – расстояние две тысячи километров – не шутки, но даже и не представляла, что могу закончить институт где-ни-

будь в другом месте.

Поступить в пединститут не получилось ни на исторический, ни на филологический. Прошла только в библиотечный вуз. Но и этому была рада – ведь Дворцовая же набережная...

Девяносто первый стал годом моего выпуска. Институт вместе с Ленинградом закончились как-то внезапно – казалось, что я провела в самом красивом городе страны не пять лет, а пять дней. Я плакала, защищая диплом, и на выпускном тоже.

Правда, меня распределили не в снулый городишко типа того, где я выросла – как же я боялась такого исхода! – а в местечко на границе с Норвегией, прямо у Баренцева моря. К моменту, когда заселилась в общежитие и мне рассказали, что здесь обитают в основном военные, я уже смирилась со своей участью и даже была почти рада. Ощущалось, что все в стране непрочно, и то, что государство решило мою судьбу на ближайшие три года, я восприняла как благо. К тому же я понимала: родители в случае чего не помогут – их выселили из служебной квартиры, потому что их предприятие первым в нашем неказистом городке приватизировали. Неудачно...

Я убеждала себя, что через три года вернусь в Ленинград – вернее, в Санкт-Петербург, – его на тот момент уже переименовали. Я не знала, что больше никогда в этом городе не побываю... Не знала, что мне придется сменить одиннадцать гарнизонов. Не знала, что вскоре должна буду прежде все-

го заботиться о чистоте офицерских рубашек (оказалось, с грязью на краях воротников лучше всего справляется щавелевая кислота). Я не знала, что всю себя должна буду отдать обустройству убогого быта.

Да – вскоре я вышла замуж.

* * *

«Се жених грядет в полуночи», «Се жених грядет...», «Се жених...» – я люблю, чтобы ко мне, когда глаза еще сомкнуты и сознание полусонное, приходили слова из литургии. Я себе говорила в таких случаях: это означает, что день пройдет хорошо.

По утрам я неизменно отправляла сообщения Юле и Юре. Спрашивала у дочки: «Как дела?» – и знала: если все хорошо, она ответит «Норм», а если что-то не ладится, ответит ехидным «С божьей помощью». В Бога она не верила.

Юра же на мои послания не отвечал совсем. Иришка сообщила, что он уехал в отпуск, но не к ее родителям под Псков, куда они собирались на два месяца, а в Краснодар. Военная часть оплатила билеты именно туда. После злополучного ужина он не звонил и не писал, что Иришка, видимо, расценила как признание в инцесте. В тот день, убаюкивая Анюту в ее отсутствие, я увидела бланк заявления о разводе.

– Ты не считаешь, что, прежде чем разводиться, надо его хотя бы выслушать? – Мой вопрос звучал обвинительно, хо-

тя я прекрасно понимала Иришку.

– Он же сбежал, – жестко ответила она. – В новогоднюю ночь я просила его рассказать все, как было, но он только замахивался на меня и орал: «Ты мне не жена, если этой грязной шлюхе поверила». Сестру изнасиловал, на жену замахнулся, значит, завтра ударит. Зачем мне все это? Я – нормальный человек.

– Значит, я – ненормальная, по-твоему, раз жила с алко-голиком-мужем, раз хочу хотя бы выслушать насильника – если уж ты Юру решила называть так? Ненормальная?

Иришка сухо ответила:

– Вы все – ненормальные. Я подаю на развод и уезжаю к родителям. Меня достала ваша семья.

Я отправилась в храм – не в тот, в который ходила постоянно. Моим обычным пристанищем на выходные был грандиозный кафедральный собор – если сравнивать с текстами, то он, несомненно, роман-эпопея, – но сегодня я пришла в маленькую церквушку на пригорке у реки – эдакая непри-метная книжица в мягкой обложке.

Служба уже закончилась.

– Собралась пол помыть, а тут... – проворчала недоволь-ная бабушка, гасившая свечи.

Мне стало неловко, и я, быстро приложившись к пре-стольной иконе (здесь это было «Умиление»), вышла из ос-новного придела. Я успела прошептать Божьей Матери что-то вроде: «Хоть бы хлипкого мира в мой дом – пусть все бу-

дет не лучше, но хотя бы как было до Юлиного тоста. Пожалуйста, пусть будет».

* * *

Я пыталась убедить себя, что не все, что говорила Юля, было правдой.

Пару недель я не решалась ее проведать: не была уверена, что она согласится поехать со мной в Лавру. А отправляться нужно немедленно.

Наконец я пришла к ней.

Открыла мне девушка, с которой Юлька снимала квартиру. Когда я увидела ее подругу, сразу же подумала: «Что общего у нее с моей дочерью? Такая полная и неряшливая...» — но тут же одернула себя за эти мысли: и когда же я перестану обращать внимание на внешнее? Прости меня, Господи...

— Юля ведь дома? Мы договаривались, что я зайду.

— Вообще, она спит.

— Как спит?

— Мне кажется, она нечаянно выпила больше «донормилки»¹, чем ей выписал врач.

— Она что, пьет успокоительные? — неприятно поразила я.

— Это препарат, нормализующий сон, — снисходительно

¹ Сленговое название снотворного.

объяснила девушка. – Но вообще да – она еще и антидепрессанты пьет.

– Как? Зачем? Привыкнет же! Это очень вредно...

– Вообще, эти препараты, если прописаны врачом, принимать можно без опасений, – обрушила на меня девушка новую порцию снисхождения.

– Ладно, я подожду, когда она проснется. Можно?

– Конечно. Юлина комната – там, рядом с кухней, но вообще вы пока можете посидеть в моей, чтобы ее не разбудить.

Она все время говорила «вообще».

Я прошла по длинному коридору, то тут, то там натыкаясь на кошек и собак.

– Сколько же у вас животных?

– Вообще, шесть кошек и три собаки, – ответила девушка. – И еще я иногда беру на передержку. Но вообще только в тех ситуациях, когда больше некому, потому что, сами понимаете, своих хватает.

Пожалела, что надела черное трикотажное платье – все вокруг было в шерсти. Дворняжки сосредоточили на мне свое любопытство. Кошки, конечно, даже не удостоили вниманием.

А я уже и забыла, что в детстве любила животных. Собаку родители заводить не разрешали, а кошки дома были всегда. Когда вышла замуж, заикнулась про котенка, но Костя сказал, что я даже цветы забываю поливать, какие мне живот-

ные. Он постоянно пенял на мою бесхозяйственность, хотя я действительно старалась, куда бы мы ни переезжали, создать уют.

– Ну что, я надеюсь, вы порвали все отношения с сыночком? – слышу я голос Юлиной подруги.

– А почему это вас интересует? – глуша гнев, спрашиваю я.

Она почесывает голову: вижу полумесяцы пота под мышками. Господи, все же хорошо, что я воспитала Юлю как дочь офицера – она, даже когда пополнела, выглядела так, что смотреть на нее было приятно.

– Вообще, Юля мне – не чужой человек, – твердо отвечает девушка.

– Вы, я так понимаю, дружите?

– У нас бостонский брак.

– Что?

– Брак у нас, говорю, бостонский.

– Что это за брак такой?

Я подозреваю Юлю в страшном грехе, и в голове только одна мысль: «Срочно к старцу, срочно к старцу...»

– Ну, вообще, понятие есть такое. Да вы погуглите – и все поймете.

– Мне некогда в интернете сидеть.

– А, ну да, я слышала, что вы находите время только на то, чтобы бить поклоны.

Яростью, которая во время этого разговора охватила ме-

ня, кажется, можно было отапливать комнату. Но, как это и случалось обычно, я подавила гневные порывы и хотела уже уйти, поняв, что ждать пробуждения дочери здесь будет слишком мучительно, и тут в комнату вошла Юля.

Дочь испытующе смотрела на меня.

– Выйди, пожалуйста, – попросила она бостонскую жену.

Я только и смогла выдавить:

– Дай мне руку.

Срочно нужно было прочитать молитву, срочно.

– Как я могу протянуть руку? У меня нет рук...

– Я тебя не понимаю...

– У меня нет ни рук, ни ног, ни живота. Нет у меня тела.

Или есть, но я ему не хозяйка, – печально произнесла она.

Ее речь сбила меня с толку, и хоть я и не собиралась говорить о том, что чувствую на самом деле, что копила в себе все эти годы, слова вдруг стали сами рваться наружу:

– Я... Я раньше просыпалась с окровавленными губами – мне снилось, что сын бьет меня. И будто я позволяю ему это делать, только прикусываю губы до боли.

На Юлиных глазах – слезы, а я продолжаю причитать:

– Нужен выход. Нам всем нужен выход. Поехали к бабушке Науму, поехали, я прошу. Вам с Юрой надо бы обоим исповедаться, но я до него не могу дозвониться... Поехали, Юль.

Я готова была даже опуститься на колени. И она сжалась надо мной:

– Хорошо. Если тебе это так надо, поехали.

И, несмотря на то что она сделала ударение на «тебе», я уходила от нее почти умиротворенной.

* * *

– Как там дела у Геннадия?

Я разубаюсь, нагнувшись, поэтому не вижу Костю, когда до меня доносится этот вопрос. Но ясно же, что пьян.

– Гена умер в двухтысячном, – сухо отвечаю я.

– Ха-ха. Давай заливай. С Беллой-то у него как? Она дождалась его из армии?

– Все, допился, – шепчу я так, чтобы он не услышал. – Надо звонить Исхакову. Алкогольный психоз или что это?

Исхаков – его друг, военный врач. Специализация – психиатрия. Они служили когда-то в одной части, а на пенсии осели тут, в городе, где не счесть церквей (конечно, это я попросила Костю купить квартиру именно здесь).

Пили они с Исхаковым, разумеется, тоже частенько вместе. Однажды прямо при нем у Кости началась белая горячка: он начал срывать с рук невидимую паутину.

– Я не пил.

Подошла к нему вплотную, поймала воздух: действительно, не пил.

– Неля, ты знаешь, сегодня такое настроение хорошее! Хоть в книгах про меня и пишут неправду... – продолжал

Костя.

– Я не понимаю. Ты надо мной смеешься?

– Ну, вот возьми «Книгу молодой хозяйки»...

Мне становится страшно. Вместо «Книги молодой хозяйки» я хватаю телефон и звоню Исхакову.

* * *

Меня нет в социальных сетях (поэтому о жизни своих детей я знаю лишь то, что они мне считают нужным рассказать). Не могу сдавать свою жизнь в архив, постоянно публикуя фотографии. Фотографироваться я вовсе никогда не любила, рассматривать снимки – тоже.

Всегда раздражалась, когда ранним еще подростком Юлька доставала старые альбомы и начинала причмокивать над моими начесами и Костиными застольными гримасами – ох уж мне эта душа компании. Однажды я даже сложила все альбомы в старый чемодан и отнесла в подвал. Через какое-то время Юля не нашла их в привычной секции «стенки». Я пожалала плечами – мол, фотографии в подвале, только не знаю, как они там: его ведь недавно подтопило.

Почти все снимки загубило. Юля на меня обиделась. А я испытала облегчение – что на них, в сущности, кроме боли, замазанных синяков и спрятанных под улыбкой обид?..

Например, есть фотография, на которой я полулежу в гамаке, улыбаясь и поправляя свежую короткую стрижку. А в

моем крестце в этот момент словно поселился больной зуб – ноет, ноет, ноет...

Муж с силой оттолкнул меня, и я упала. Я в тот день попыталась убедить его, что женщина со стрижкой «под мальчика» – это не позор, даже несмотря на то, что живем мы в патриархальном военном гарнизоне. В результате повредила копчик – потом выяснилось, что он искривился, как выразился врач, «буквально серпантином». Родить самостоятельно второго ребенка, Юльку, я не смогла – мне делали кесарево.

– Ты посмотри на жену Иткина! – орал муж. – Волосы до поясницы, челочка – все как надо. А теперь посмотри на себя. Теперь опять вспомни жену Иткина. А теперь смотри на себя. Чувствуешь разницу?!

Я отрастила волосы и больше их никогда не обрезала. Потом, кажется, и могла бы – когда он начал почти в открытую мне изменять и ослабил хватку, – но я уже привыкла к себе той, что нравилась ему, и меняться, кажется, не хотела.

Как хорошо, что затопило подвал.

* * *

Не помню, чтобы мне хоть кто-то из офицерских жен говорил, что надо уйти. И сомневаюсь, что кто-то из них бы ушел на моем месте.

Когда в каждом новом гарнизоне становилось известно,

что муж меня бьет, я начинала оправдываться:

– Он не всегда таким был.

Но это ложь – сладкая и тягучая, очень привлекательная. Сейчас понимаю – это уже постфактум я наделяла Костю чертами, которых в нем и близко не было. Мол, мужественный, ответственный.

А ведь на самом деле все и начиналось-то очень плохо.

...Зачем библиотеке работать до восьми вечера? Ну зачем? Особенно полярной ночью. По правде говоря, я думаю, библиотека тут вовсе не нужна. Офицеры и солдаты не приходят добровольно за книгами – да и когда их директивно пригоняют на мероприятия типа поэтических чтений, едва сдерживаются, чтобы не материться во весь голос.

Страшно после восьми вечера идти домой, когда слышишь за спиной шаги. Я знала, что однажды они меня настигнут...

Раньше библиографом здесь была некто Оля, тоже распределенная сюда провинциалка, отучившаяся в Ленинграде. Выдержала она три месяца.

– Они ее пригласили в часть, – рассказала мне гардеробица Римма Федоровна. – Ну и... Сама понимаешь. Против ее воли. Уехала она, сбежала. Говорила, подаст на них за изнасилование. Но, конечно, не подала.

– А милиция?

– Какая милиция? Это военная часть. Здесь они сами себе власть. – И Римма Федоровна устремила взгляд вверх, слов-

но показывая, что выше здесь никого нет.

Я начала размышлять о побеге. Страна успела стать другой – страха перед государством у меня уже не осталось, лишь раздражение. Другой вопрос – что и бежать было некуда. Родители так радовались, что у меня есть жилье и работа, да еще на границе с нормальной – они все европейские государства называли нормальными – страной, что заявиться к ним на квартиру в умирающий городок я не решилась бы.

Так уж я устроена – не люблю никому вредить, даже если вред заключается лишь в самом факте моего существования.

– Шаронов положил на тебя глаз. Он женат. Ты ему будешь нужна так, иногда, поиграться. И не сомневайся, что его жена обо всем узнает, – отвечая на мои страхи, объявил Костя, ногой открыв дверь библиотеки.

Я молчала.

– На завтра у него запланирован вечер с тобой. Не сомневайся, он изнасилует тебя, а ребята помогут. Но ты можешь пойти со мной, и тебя не тронут, потому что Шаронов подчиняется мне. Решай.

– Куда пойти? – тихо спросила я.

– Я скажу, – усмехнулся он.

С крабовой фабрики дуло тошнотворным рыбным ветром, и я кашляла. Снег громко хрустел под ногами. Казалось, что все, кто сейчас зажгли свет в своих пятиэтажках, или сидят пьют чай, или смотрят телевизор, или моют посуду, или стелют постели – все они слышат мой кашель и скрип снега,

и они знают, куда я иду и с кем я иду. Мне было стыдно.

* * *

– Мы родили тебе сестренку!

Я назвала ее Амалией. Она родилась в апреле – неожиданно теплом, гулком, шумном. Но радоваться хорошей погоде было рано – я знала, что здесь природа не делает подарков, а только выдает кредиты.

В четырехлетнем Юрином мире, конечно, не было места никаким сестренкам. И когда ее принесли домой, он лишь на секунду взглянул на атласный комод, который все вокруг называли его сестренкой, и помчался смотреть «Черепашек Ниндзя». Телевизор он сделал погромче.

– Ты бы еще Аномалия ее назвала! – заявил мне Костя. – С ума сошла? Вот поклонница-то всего нерусского! Имена у детей должны быть созвучными. Мою дочь будут звать только Юля.

И когда моя Амалия превратилась в его Юлю, вся та негромкая, робкая радость, что пришла на смену роддомовским слезам («Не смогла сама родить! Какая ты после этого мать!»), мгновенно улетучилась.

...К вечеру Юра все же осознал, что что-то переменялось в нашей жизни, и спросил:

– Ты родила мне сестренку?

– Да, Юрик.

– Зачем?

– А зачем рожают людей? – растерялась я. – Чтобы они были...

Юра смотрел куда-то сквозь меня.

* * *

– Знаешь, дорогая, похоже, поздний дебют шизофрении, – резюмировал Исаков, полтора часа экзаменовавший моего мужа в закрытой комнате.

– Валик, да какая шизофрения?!

– Я тоже себе говорю «да какая шизофрения?!» – развел руками Исаков. – Потому что в таком возрасте шизофрения если и дебютирует, то у женщин. Костин случай – редкий, но и такое бывает.

Я порывалась рассказать ему, что недавно из нашего семейного шкафа вывалился, скрежеща, огромный скелет, и, возможно, именно это запустило безумие Кости. И тогда о какой шизофрении он мне тут талдычит?!

Но я молчала – уж слишком чудовищной была эта тайна.

Исаков поел серых щей, допил пустую на треть бутылки водки («Тебе лучше не держать теперь алкоголь дома») и пошел к выходу, спешно выписав рецепт на какие-то два препарата. В дверях остановился и поводил перед моим лицом сомкнутыми указательным и большим пальцами.

– Я. Ничего. Никому. Не скажу, – выделяя каждое слово,

пообещал он.

Я залезла в Костин бумажник и протянула Исхакову пять тысяч.

* * *

Вот что делить разнополым детям с четырехлетней разницей в возрасте? Но как только Юлька немного подросла, они стали драться за каждую травинку во дворе, за каждую найденную в квартире пуговицу, за каждую завалящую конфетку.

А ведь поначалу взгляд маленькой Юли выражал лишь восторг, стоило ей только увидеть брата. Но в первый год жизни сестры Юра не обращал на нее внимания, а когда она начала пытаться всячески его привлекать, получала тычки. Я одергивала старшего, он снова злился на младшую, а та продолжала его задирать.

Вскоре я перестала разбираться, кто прав, кто виноват. Гвалт, плач и стукотня прочно вошли в мои дни. Когда вечером возвращался Костя, дети притихали, но теперь он разражался недовольством.

...Они оба были уже подростками, и служили мы на Северо-Западе, который казался солнечным и приветливым после Крайнего Севера.

Я пытаюсь вытеснить из памяти тот день, когда случайно застала Юру душачим Юлю подушкой. Больше всего, когда

я подбежала на дочкин сдавленный крик, меня поразило лицо сына – довольное, без капли раскаяния.

– Мама, да мы же просто прикалываемся! – сказал он. – Да, Юлька?!

– Да... – испуганно ответила она.

Я предпочла не заметить, что этому «да» предшествовал Юрин тяжелый взгляд в сторону сестры.

А вечером Костя привел с собой какую-то блондинку в бежевом тренче и очках с кошачьей оправой. Сказал, это Жанна, журналистка гарнизонной газеты.

– 15 мая отмечают День семьи, – начала Жанна. – Мы хотим опубликовать небольшие очерки о семьях, которые были к нам недавно. Ну, знаете, такие небольшие теплые рассказы о том, как создавалась ваша семья, что вам позволяет хранить домашний очаг и так далее.

– Я не готова, – прошептала я.

– Ты – готова, – процедил Костя.

– И деток позовите, – обратилась ко мне Жанна, повелительно блеснув стеклами очков.

* * *

– Ты список написала?

– Какой еще список?

Я всплеснула руками:

– Ну, Юля! Я же тебе говорила – список грехов для гене-

ральной исповеди! И для беседы с батюшкой Наумом может пригодиться.

Она пожала плечами.

– Это странно, – сказала Юля. – Не по-человечески как-то. Вот ты говоришь, в церкви благодать, а там какая-то канцелярия. Список грехов, запись в очередь...

– Если бы ты знала, какая там очередь к старцу, – прошептала я. – Как же им иначе упорядочить процесс? Сразу говорю: матушки там очень строгие. Делай, что тебе велят, и ни в коем случае не спорь.

Юля усмехнулась:

– Раньше я умела спорить, а потом детство закончилось.

Я пристально посмотрела на дочь. Даже в монастырь она ехала пусть и в длинном, но соблазнительно облегающем платье, со скромным и продуманным макияжем, аккуратной укладкой... И я сказала то, в чем уже давно хотела признаться:

– То, что он сотворил с тобой, кошмарно... И не думай, что я не верю тебе. Я верю. Но ты не похожа на жертву. Сейчас не похожа, а тогда – тем более. Ты же понимаешь, о чем я говорю?

Я осеклась, не стала развивать тему, но так и хотелось добавить пару упреков: устроила сотрясение мозга однокласснице, а с других собирала своеобразную дань, девочку из двора вообще чуть не утопила в реке.

– Мама, я разобралась со своим прошлым, – спокойно от-

ветила она. – Не лезь. И старец твой пусть не лезет. Но посмотреть на него любопытно.

Как тут не вспомнить свою первую встречу со старцем?

Я ходила в церковь примерно год и случайно узнала о старце. Выпросила у мужа поездку в Лавру. Меня проинструктировали насчет генеральной исповеди, и я тряслась от ужаса и внутреннего трепета. Авторитет отца Наума сделал его практически святым в моих глазах, так что я ждала беседы с ним почти как Страшного суда.

Но, оказавшись в его келье, я ощутила пьянящее тепло – будто выпила пятьдесят граммов хорошего коньяка. Или приехала в бабушкин деревенский дом и растянулась на нагретой печкой перине. Присутствие старца преображало все.

– Батюшка, муж бьет меня.

– Блаженны плачущие, ибо они утешатся, – из-за густой бороды и усов почти не было видно его губ, поэтому казалось, будто слова возникают из ниоткуда. – Ты женщина, и от тебя зависит мир в семье. Молись! Я тоже буду молиться.

Чудо не заставило себя ждать: муж почти прекратил свои издевательства. Так я и поняла, что старец Наум – мой главный заступник перед Господом. Ему не все равно. И Богу не все равно.

* * *

Моих детей нельзя было назвать подарками. Они оба рос-

ли агрессивными, драчливыми. Матерились с такого раннего возраста, что мне стыдно и вспоминать об этом.

Я перестала водить их в храм после того, как Юра на службе наступил Юле на ногу, а та ущипнула его в ответ. Он, в свою очередь, назвал ее сукой, а Юля послала его на три буквы. Я вывела их из церкви, а бабушка, помню, долго отчитывал меня за отвратительное поведение детей. Говорил, что им необходимо ходить в воскресную школу, но я просто побоялась дальнейшего позора. Да и вряд ли уговорила бы их на церковное воспитание.

Почти потеряв надежду на то, что Господь, по крайней мере, в ближайшем будущем их образумит, я обратилась к школьному психологу. Юру и Юлю она приняла по отдельности.

Как она мне потом сказала, с Юрой беседы не получилось вовсе. Он или молчал, или отвечал односложно. А Юлин крик, донесшийся из кабинета, я слышала из-за двери и чуть не расплакалась от досады и раздражения.

Оказалось, моя дочь кинула в психолога ручкой. На все вопросы она отвечала криком: «аааааа».

Обоих отправили на комиссию: пускать ли Юлю в четвертый класс, а Юру – в восьмой, или отправить в интернат для «особых детей»? Комиссию смутило, что оба ребенка учились довольно сносно, и переводить их в интернат VIII вида было, видимо, жалко. К тому же взбешенный Костя прибежал в школу и заявил директору: учиться Юра и Юля будут

только здесь, и нигде больше.

Мне он отвесил пощечину, хотя благодаря молитвам старца к тому времени уже перестал меня бить. Кричал: зачем это я выношу сор из избы?

Я же к тому моменту была согласна на интернат. Но разве меня кто-нибудь спросил, чего я хочу?

* * *

Страшно подумать: если бы однажды Господь, а вслед за ним и батюшка Наум не пришли в мою жизнь, что бы со мной было?

Иисус поймал меня в свои сети еще на Баренцевом море. Муж выгнал из дома за то, что ушла спать и не успела накрыть стол ему и его друзьям. Он привел их в двенадцатом часу ночи. Выволок меня из постели и спасибо, что хоть дал плащ накинуть. Юля заплакала, Юра робко возмутился. Но что они, малыши, могли возразить отцу? Меня обняла стылая августовская ночь.

Между хрущевками виднелось море. Я думала, что однажды возьму билет на самолет и улечу в Петербург. Понимала: никуда он меня не отпустит, да и денег своих нет (я уже давно не работала, библиотеку закрыли: здание признали аварийным). Но, закрывая глаза, я видела перед собой Финский залив, а не Баренцево море...

Вдруг меня пронзила мысль, острая, как вражеский штык:

другой город не спасет. Меня вообще никто и ничто не спасет. Мне нужно что-то нащупать внутри. Опору, точку, что угодно. Память подкинула старые кадры: как меня крестят в одиннадцать лет, и мне отчего-то страшно, но и торжественно; как я сдаю немецкий, который ненавижу всей душой, и, перед тем как тянуть билет, шепчу: «Господи, помоги» – мне попадается единственный вопрос, ответ на который я знаю. Наконец, вспоминаю, как иду по военному городку, а чуть поодаль слышу уверенные шаги Шаронова и поскудный смех, но все же благополучно добираюсь до общежития, автоматически благодаря: «Слава тебе, Господи».

Здравствуй, Отец.

* * *

По импровизированной комнате ожидания вдруг прокатился смех моей дочери. Поймала себя на мысли, что давно не слышала, чтобы Юля вот так смеялась: без горечи, грусти или сарказма. Я знала: последствия беседы со старцем Наумом могут быть совершенно разными – настолько, насколько не похожи между собой люди.

Дочь вышла от старца покрасневшая, веселая, полная энергии. На нас шипели со всех сторон – ну какой смех в Лавре? Я вывела ее на улицу.

– Мамочка, он такой забавный! – приговаривала Юля. – Он же сумасшедший. Но очень, очень смешной. Слушай, мо-

жет, папкина шица тоже воплотится в такую форму, и к нам паломники будут таскаться? Деньги носить?

У меня опустились руки. Юля не готова была принять слова, которые в старца вкладывал сам Бог.

– Ну, что он сказал? – чуть раздраженно спросила я.

– Старец спросил: «Ты в трусах?» Я ответила, что да, но, собственно, какая разница? А он говорит, с таксистами не спишь? Я рассказываю, мол, батюшка, меня в тринадцать лет изнасиловал родной брат. А он говорит: «У тебя и тогда такие сиськи были?» – заливалась Юля, как безумная.

– Ты же умная девочка и прекрасно понимаешь, что старец действует иной раз как психотерапевт, и да, может немного обескураживать вопросами, – попыталась объяснить я.

Но Юля не слушала. Она потянула меня в трапезную. Объяснила, что сегодня у нее какой-то читмил. Это означало, что можно позволить себе даже пирожок.

* * *

Неожиданно он позвонил мне сам. Номер был незнакомый, но я сразу поняла: это Юра.

– Мама, я уезжаю. Больше не вернусь. Скорее всего, мы никогда не увидимся. Я люблю тебя, мама. Я уезжаю. Больше не вернусь...

Каждую фразу он, словно в горячечном бреде, повторил

несколько раз.

– Но почему? Тебя же ждут в части... Может, с Иришкой еще помиришься, – убеждала его я. – Послушай, Юрик, просто тебе надо встретиться с Юлей. Ну, в неформальной обстановке. Я вот думала – позови ее пообедать. Решите все ваши разногласия. Обязательно попроси прощения. Я знаю, что ты раскаиваешься. Ты ведь наверняка был тогда пьяный, да? Ты же не понимал, что делаешь? Вот все это ей и скажи. Вы можете и дальше не общаться друг с другом, но эту рану надо затянуть, Юра! Зачем враждовать, когда уже десять лет прошло с того случая? А потом обязательно сходи на исповедь. Все можно уладить, сынок, нет ничего непоправимого. В конце концов, Христос простил разбойника, распятого рядом с ним, когда тот покался...

Юра нервно рассмеялся:

– Ты ничего не понимаешь, мама. Жена со мной жить не хочет. Представляешь, намекает, что я могу дочку изнасиловать. Но я люблю свою дочь, очень люблю. И Иришку люблю. Но теперь и это в прошлом...

– Но почему? – недоумевала я.

– А ты открой Юлин «Инстаграм». – Он глубоко вздохнул и заключил: – В общем, мама, я уезжаю. Навсегда. Я знаю, что с отцом беда. Держитесь. Как устроюсь – пришлю денег. Прости, мама. Вспоминай хоть иногда.

– Где ты?! – кричала я в трубку. – Куда ты поедешь?!

Ответом мне были отрывистые гудки.

Я взяла с собой только самое необходимое. Специально не брала любимые вещи, в которых чувствовала себя красивой: стыдно, что еще не до конца отвергла все мирское.

Когда старец Наум благословил меня уйти в монастырь, чтобы отмаливать грехи – свои и родных, я ощутила такое же счастье, как тогда, в студенческом Ленинграде.

О монастыре, куда старец меня послал, я знала немного: почти всем зданиям на его территории нужен срочный ремонт, рабочих рук не хватает, матушка игуменья, считай, при смерти... Но чем сложнее задача, тем богоугоднее дело, говорила я себе.

Однако мысли о несчастной семье, которую я оставила, преследовали меня. В поезде я все же достала телефон и зарегистрировалась в «Инстаграме».

Я нашла ту самую запись дочери, о которой говорил Юра, но прочесть ее от начала до конца не могла: путались мысли, подкрадывались слезы. Я словно обжигалась отдельными строчками:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.